

Э. К. МЕТНЕР: МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ¹

КИРИЛЛ ПОСТОУТЕНКО

16 июня 1931 г. постановлением цюрихского градоначальника «Эмиль Карлович Метнер, писатель, <...> без гражданства, родившийся 19 декабря 1872 г. в Москве (Россия)», который «приехал в Цюрих в ноябре 1914 г. и, за исключением пребывания в Женеве и с июня 1917 г. жил там непрерывно», был удостоен гражданства Швейцарии (Цюриха).² Была поставлена долгожданная точка в затяжном³ юридическом процессе, который со стороны казался привычным эпизодом эмигрантской биографии XX века («первая родина» — «скитания» — «вторая родина»). Но для новоявленного цюрихского *Stadtburger*'а эта триада стала актуальной задолго до того, как он покинул Россию.

Немецкая купеческая семья, в которой родился Э. К. Метнер, соединила в себе две немецкие традиции: фермерскую (К. П. Метнер) и музыкальную (А. Ф. Гедике). Интересней, однако, не различие, а сходство: «Приблизительно одновременно с эмиграцией в Россию Гебгардов и Гедике, т.е. в конце XVIII столетия, или в начале XIX века, переселилась фамилия Метнеров, сначала в Финляндию, где приобрела права гражданства в Пернаве (Пярну)».⁴ При этом в семье Гедике, поколениями укоренившейся в Москве, культивировалось незнание русского языка: «Тетя Минна (моя *Grosstante*) сама ничего не рассказывала, а на вопросы скупилась ответами <...>. Говорила она по-немецки, иногда по-французски; русским языком она владела очень плохо и пользовалась им не лучше своего отца⁵ лишь в случаях крайней необходимости и к нам, детям, она обращалась всегда с немецкой речью, а к отдельным русским словам и выражениям прибегала тогда, когда замечала, что мы ее не поняли».⁶ Культурная самозамкнутость расовой автономности стала для Метнера осно-

вой его жизненной стратегии в России: «Лишь в Цюрихе, занимаясь аналитической психологией и познакомившись лично с главою Цюрихской школы К. Г. Юнгом, я получил от последнего объяснение, основанное на неоднократно проверенном эмпирическом материале: сохранившие свою расу в течении нескольких поколений сохраняют в своей душе и элементы психологии своих предков, каковою она успела сложиться в момент эмиграции. Таким образом, русский немец (т.е. оставшийся немцем потомок эмигранта из немецких стран), сохраняет в своей душе черты "германского" немца XVIII столетия, раз его предок покинул родину в эту именно эпоху».⁷

По мере развития военных и социальных катаклизмов, разбредивших национальное сознание многих, Метнер все меньше ощущал себя русским. 16 февраля 1904 г. он писал А. С. Петровскому: «Напрасно вы думаете, я вообще не решился бы на эмиграцию. Признаюсь Вам, что у меня с Анютой <А. М. Метнер. — К. П.> (она может засвидетельствовать это лично), было решено, когда о войне не было еще и речи, что в ноябре 1904 г. я беру двухмесячный отпуск и в конце онаго пишу Звереву, что, если меня нельзя перевести в Москву, то я прошу об отставке.⁸ У нас с Анютой было решено, что в таком случае мы остаемся навсегда в Германии <...>. Теперь же эмигрировать нравственно тяжелее... <...> Я — немец! Гораздо более немец, нежели русский. Я должен признать, что, к величайшему моему удивлению и даже огорчению, приблизительно во второй половине девяностых годов я стал ощущать это. Огорчен я этим, разумеется, только потому, что лишен возможности помочь этому процессу дойти до конца, для чего необходимо или быть гораздо моложе, здоровее, работоспособнее, или же обладать хотя бы небольшими денежными средствами, чтобы сразу утвердиться в новом отечестве... 10 лет тому назад я бы с восторгом пошел на войну; в 1899—1900 гг., когда я отбывал повинность, я пошел бы, если и не с восторгом, то и не с неудовольствием...»⁹ Долгожданная поездка в Германию в конце 1904 г. (вместе с А. М. и Н. К. Метнерами) дала Метнеру ощущение обретения утраченной исторической и культурной родины: «Огромное значение имело для меня путешествие. В особенности та часть его, от Дрездена через Лейпциг, Веймар, Иену, Нюрнберг, Мюнхен, Франкфурт на Майне в Кельн, которую я совершил один. <...> Точно я вспомнил что-то такое, что силился

и не мог извлечь из закоулков памяти всю жизнь. — В Веймарском парке и в доме Гете я испытал то... что Вы вероятно ощутили в Сарове. — В Нюрнберге — ... вероятно в Нюрнберге я родился; может быть жил в конце XV и начале XVI столетия, недалеко от дома Дюрера». ¹⁰ Германия стала для Метнера «первой родиной», Россия — «второй»: «Стал я еще западнее, еще более онемечился; нижегородское пленение, московская толчея и вообще российская безалаберность отходят в моей памяти и воображении все более и более на задний план; равнодушно читаю я об ужасах, которые творятся ежедневно на родине, жалею о времени, потраченном на пустяки в роде цензорства, с удовольствием отмечаю, что меня более не волнует и не беспокоит то, что как русского возмущало и обессиливало». ¹¹

Предпринимая неоднократные попытки эмиграции в Германию, Метнер тем не менее не без гордости играл свою роль «русского немца»: в 1909 г., поддавшись уговорам друзей — А. Белого, Элиса (Л. Л. Кобылинского), А. С. Петровского, он организовал в Москве издательство «Мусагет», призванное синтезировать новый русский символизм и германскую культуру. Однако активность «Мусагета», выпустившего два десятка философских, прозаических, критических книг (среди них — сочинения А. Белого, Я. Беме, А. Блока, З. Гиппиус, И. Рейсбрука) не продлилась и пяти лет: за идейным расколом между главными участниками последовало начало первой мировой войны, навсегда похоронившей культуртрегерский германизм Метнера. ¹² И русское, и немецкое общество, охваченные патриотизмом, оказались Метнеру враждебными, и он нашел для себя спасение в нейтральной Швейцарии.

Барьер, отгородивший Советский Союз от Европы, вполне соответствовал тому настроению, с которым Метнер устраивался на жительство в Швейцарии, где, «годами не имея известий из России (даже от самых близких)», он «мысленно простился со всеми навсегда». ¹³ Отказ от культуры вольно или невольно совпал с отказом от языка: если раньше Метнер мог завидовать отцу, знавшему немецкий язык лучше, чем он, ¹⁴ то теперь он выражает сомнения в правильности своей русской речи: «Моя статья «от редактора» начинается непростительным германизмом, свидетельствующим об утрате чувства русской речи <...>: я говорю вместо «сердце бьется <—> сердце бьет нормально!! О

стыд и позор!»¹⁵ Тем любопытнее характеристика языковой компетенции Метнера, содержащаяся в его «деле о гражданстве» и принадлежащая перу Х. Берчингера и П. Пфеннингера, чиновников цюрихской городской канцелярии: «An unsere Verhaeltnisse scheint er sich durchaus gewoehnt zu haben, wenn er auch unsern Zuercherdialekt nicht spricht und auch nie sprechen wird. Er bedient sich jedoch eines fehlerlosen, akzent freien Schriftdeutsch».¹⁶

Круг жизни Метнера замкнулся, подтвердив неизменность его культурной позиции. Поклоняясь мифу о Германии и говоря на его языке, он так и не стал своим ни в России, ни в Швейцарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Работа выполнена при поддержке Швейцарского фонда содействия культуре PRO HELVETIA (Цюрих). На разных ее этапах совершенно необходимую помощь оказали также д-р Б. Шницлер (Stadtarchiv Zuerich) и М. Г. Ратгауз.
- 2 Verfuegung des Stadtpraesidenten vom 16. Juni 1931. — Protokoll des Stadtrates von Zuerich (Buergerliche Abteilung) vom Jahre 1931. — <Zuerich, 1931>. — S. 98–99.
- 3 15 апреля 1930 г. Э. К. Метнер писал Н. К. и А. М. Метнерам: «Я снова <курсив наш. — К. П.> сделал попытку натурализоваться» (Архив Государственного Музея Музыкальной культуры им. Глинки (ГММК). — Ф. 132. N 4368).
- 4 Э. К. Метнер — П. Д. Эттингеру <1921 г., копия В. К. Тарасовой> — ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 11. — Л. 22–23.
- 5 О нем рассказывали московские остряки, будто он знал лишь два русских слова: извозчик и гривенник.
- 6 Э. К. Метнер — П. Д. Эттингеру <1921 г., копия В. К. Тарасовой> — ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 11. — Л. 2.
- 7 Там же. — Л. 17.
- 8 Н. А. Зверев в 1902–1904 гг. возглавлял Главное управление по делам печати Министерства Внутренних дел, при котором в 1903–1906 гг. Метнер состоял отдельным цензором в Нижнем Новгороде.
- 9 ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8. — Л. 5 об. — 6.
- 10 Э. К. Метнер — А. С. Петровскому <15.5.1905 г., копия> — ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 28. — Л. 5.
- 11 Э. К. Метнер — Эллису <5.9.1906 г.> — ОР РГБ. — Ф. 167.

- 12 «Вы знаете, что для меня Россия и Германия два отечества, равно любимые. Вот почему эта в полном смысле слова братоубийственная война является для меня самым ужасным событием моей жизни», — писал Э. К. Метнер А. М. Метнер 20 июля 1914 г. (Архив ГММК. — Ф. 132. N 4882).
- 13 Э. К. Метнер — В. И. Иванову <6 мая 1925 г.> — Архив В. И. Иванова (собрание Д. В. Иванова, Рим).
- 14 «Если бы я владел так <...> немецким языком, как ты, я бы знал, как избавиться от нижегородского плена, от провинциально-чеховской тоски: я бы эмигрировал в Германию и писал бы там в немецких газетах о русской жизни и литературе». (Э. К. Метнер — К. П. Метнеру <24 декабря 1903 г.> — Архив ГММК. — Ф. 132. N 3592).
- 15 Э. К. Метнер — В. Иванову <23 октября 1929 г.> — Архив В. И. Иванова (собрание Д. В. Иванова, Рим). Действительно, упомянутая Метнером фраза («Подобно тому, как не ощущают сердца, пока оно бьет нормально <...>» — Метнер Э. К. От редактора // Юнг К. Г. Психологические типы / Пер. С. А. Лорие. — <Цюрих>, 1929. — С. III) неестественно точно копирует немецкое *Das Herz schlaegt normal*.
- 16 Перевод: «К нашим условиям он, кажется, совершенно привык, хотя не говорит на нашем цюрихском диалекте и никогда не будет говорить на нем. Однако он безукоризненно владеет грамматикой и произношением литературного немецкого языка (*Schriftdeutsch*)» (Medtner, Emil Karlovitch <личное дело>. — *Stadtarchiv* (Цюрих), *Buergerliche Abteilung, Auten* 1931. — Prot. N 548.)